

29.05.93.2

Карминский Марк

Автор этой новеллы Марк Карминский — известный композитор, создавший ряд оперных сочинений [в частности оперу «Иркутская история», с успехом обошедшую многие сцены страны], музыку к фильмам и драматическим спектаклям, сочинения для детей. Недавно композитор увлекся литературным трудом. «Русская новелла» — один из первых опусов в этой области.

Руза — это Дом творчества композиторов под Москвой, о котором недавно с такой трогательной ностальгией рассказывал на телевидении Владимир Молчанов. Для меня да и для многих бывавших там Руза была ниспосланным раем. Я всегда благодарил Бога за такую возможность бывать там, а, уезжая, каждый раз загадывал: вот если смогу приехать хотя бы еще один раз, значит, все у меня нормально, жизнь продолжается. Прекрасная природа, полное освобождение от бытовых забот, работа в уединенном, предоставленном тебе доме и, наконец, самая великая радость — роскошь человеческого общения. Нигде так душевно и полно не общались, нигде так быстро не рождались отношения и нигде, пожалуй, не велись в ту далекую доперестроечную пору такие острые диссидентские разговоры, которым могла бы позавидовать любая застойная «кухня». Конечно, и там были длинные уши и свои стуканцы, как без них... «У каждого кустика своя акустика». Этот чудный рифмованный афоризм придумала Елизавета Эммануиловна Лойтер (музыковед, лектор), с которой я познакомил-

Марк Карминский

Кулагра. - 1993. 29 мая. - С. 12.

РУЗСКАЯ НОВЕЛЛА

ся в один из моих приездов в Рузу.

Она была намного старше меня, но общались мы очень откровенно и, позволю себе сказать, к взаимному удовольствию. Работая в Московской филармонии, она держала в памяти множество интереснейших историй, очень занимательно их рассказывала. Через знаменитого чтеца Владимира Яхонтова, с которым она работала, сопровождая его чтение игрой на фортепиано, протягивались ее связи с великой литературой.

Однажды поздним зимним вечером во время послеужинной прогулки она сказала мне: «Я должна рассказать вам еще одну историю, может быть, самую заветную мою. Я просто не могу уехать, не рассказав вам этого». На завтра она уезжала в Москву, отъезд и проводы в Рузе всегда были почти ритуальными, и я вдруг понял, что она действительно должна кого-то еще погрузить в воспоминание, с которым прожила многие годы. Она что-то чувствовала и, увы, не обманулась в своем предчувствии: на завтра она умерла. Рассказ о ее кончине — это своя жуткая драматургия, но сегодня еще никто не знал о трагедии завтрашнего дня. Мы вошли в дом, последняя оставшаяся после всех гостевых визитов рюмка коньяка, предназначенная только мне, и она начала...

...Огромный паром медленно подходил к причалу, чтобы совершить свой последний рейс — перевезти на ту сторону реки еще остающихся на берегу людей. Людей было много, очень много, намного больше, чем мог вместить паром. Люди понимали это и, повинаясь стихийному чувству выживания, толкались, шумели, теснили друг друга, пытались прорваться вперед, ближе к заветному причалу, чтобы прыгнуть наконец в этот спасительный Ноев ковчег и почувствовать, что ты, именно ты, а не кто-то другой, доберешься теперь до своей новой обители. Она тоже была здесь. Эвакуировалась она из Москвы в большой спешке, эшелон, увозивший ее, шел неизвестно куда, и после многодневных, томительных стоянок и пробегов их высадили в каком-то маленьком городке. Дальше они перемещались на грузовиках и подводах, и вот теперь эта жуткая переправа. В несметном скоплении людей, живущих по законам, а точнее, по беззаконию толпы, ей виделась какая-то страшная, фатально-неотвратимая сила, готовая все снести со своего пути, всех смять, растоптать и отбросить. В самые важные для себя моменты она могла собраться, ее жизненная пружина сжималась до предела, а затем выстреливала с большой энергией, и эта ее энергия могла противостоять любой тупой

силе. Она уже собралась было ринуться сквозь эту людскую массу к парому, как вдруг почувствовала каким-то мистическим чувством, что она не одинока в этой толпе, что кто-то нуждается в ней, ищет ее, ждет ее помощи. Она с трудом обернулась — задние нажимали, но вначале в этом сплошном месиве лиц никого не выделила. Тогда она поднялась на цыпочки и стала мучительно искать в толпе этого человека. Лица по-прежнему сливались, но она высматривала каждого своей интуицией, и вот наконец... женщина... та...

— Она смотрела на меня с такой мольбой, — продолжала рассказывать Е. Лойтер, — она так зывала о помощи, так просила меня глазами понять ее, почувствовать — самой ей не справиться, не пробиться, погибнет она и уже никогда не окажется на том берегу. А я уже ничего не соображала, я была над толпой. С невиданной страстью расталкивая всех руками, я рвалась назад, и ошарашенные моей энергией люди испуганно расступались. Я подбежала к ней, схватила ее за руку, и тем же путем, по образовавшемуся людскому коридору, мы двинулись к парому. За ней шел какой-то юноша, может быть, сын, может, кто-то посторонний. Она двигалась послушно и покорно, и теперь на лице ее не было ни моль-

бы, ни нужды в чем-либо. Оно было почти безучастным.

Когда мы оказались на пароме, многие люди на берегу пытались еще безуспешно взобраться на него. Вскоре паром отошел, и все оставшееся там, на берегу, сразу показалось чем-то навсегда отделенным от нас, люди отдалялись, все становилось мельче, неразличимей, как будто из совсем другой эпохи. Мы приотпились где-то в глубине парома, вокруг было так же тесно и шумно, и после долгого и мучительного молчания она спросила:

— А вы знаете, кто я?

Ворох неосознанных догадок мгновенно всколыхнулся в моей голове, но я ничего не успела ответить.

— Я — Марина Цветаева.

Она сказала это с таким достоинством, с таким ощущением своей единственности в этом мире, с такой гордостью и горечью, что я на время просто оцепенела. Я стояла и боялась неловкой реакцией разрушить это высокое оцепенение. Больше она не произнесла ни единого слова.

Как-то так получилось, что вскоре между нами оказались какие-то люди, потом ее отнесли от меня, а затем она и вовсе исчезла в глубине паромной толпы. Через час мы выходили на берег. Она сделала еще один шаг к своей скорой смерти и к своему вечному бессмертию.

...О, если бы в последний момент перед настоящей гибелью был кто-то рядом, кто увидел бы мольбу в ее глазах, кто помог бы ей справиться с этой жизнью, кто просто мог бы ее понять, может быть, и не было бы этой дикой и нелепой смерти в Елабуге в последний день августа 41-го года?..